

© А. А. Иванов, Я. С. Иващенко

DOI: [10.15293/2226-3365.1806.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1806.15)

УДК 130.2

АКСИОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

А. А. Иванов, Я. С. Иващенко (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Изучение феномена детства и практик социализации в контексте разных культур и исторических эпох связано с проблемой понимания ценностей, лежащих в основе социокультурного воспроизводства новых поколений. Целью статьи является выявление парадигматической системы ценностей, руководящих формированием человека в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров Сибири и Дальнего Востока России.

Методология. Исследование базируется на аксиологическом подходе, представляющем ценность как интеграл культуры и порождающую модель ее артефактов. Применение структурно-семиотического метода предполагает, что ценностное измерение культуры выражается в знаково-символической форме как система инвариантных смыслов, связывающих разные сферы деятельности и социализирующие практики. Реконструкция культуры детства тунгусо-маньчжуров осуществляется на основе данных этнографии, фольклорных материалов.

Результаты. Обозначена специфика социализации и инкультурации новых поколений в условиях присваивающего хозяйства, родоплеменной структуры общества и традиционного типа культуры. Выделен аксиологический центр культуры тунгусо-маньчжуров и рассмотрено его присутствие на разных этапах взросления и воспитания: младенчество, детство, подростковый период. Определена система мифологических представлений и магических действий, играющих роль в инкультурации новых поколений. Проведен анализ формирования гендерной идентичности и выявлены основные механизмы социализации в форме игры и сказки, труда и ритуала.

Заключение. Система ценностей, транслируемых в процессе социализации, включала три ключевых компонента: род, животное, движение. Ребенок в культуре тунгусо-маньчжуров не обладал самостоятельной ценностью и субъектностью, но воспринимался как потенциальное воплощение родовой идентичности (ценность – субъект). В процессе освоения промысловых технологий и ритуальных предписаний он учился взаимодействовать с животным – символом природных сил (ценность – объект). Половая асимметрия обрядов инициации отражает патриархальное преимущество мужчин и выражает ценность движения (ценность – действие).

Ключевые слова: социализация; инкультурация; онтогенез; аксиология; традиционная культура; семиотика культуры; Сибирь; Дальний Восток России.

Иванов Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории, Сибирский университет потребительской кооперации.

E-mail: larsandr@mail.ru

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, профессор кафедры истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет; профессор кафедры управления образованием, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: iva_ya@mail.ru

Постановка проблемы

Человеческая культура представляет собой систему внебиологических механизмов воспроизводства социального опыта, основанных на научении¹. Научение направлено на формирование человека в совокупности определенных личностных свойств, позволяющих ему инкорпорироваться в структуру общества (социализация), усваивать и транслировать социальный опыт в виде характерных норм и моделей деятельности и мышления (инкультурация). Иными словами, культурное воспроизводство общества предполагает наличие представлений об эталонной модели личности, о тех свойствах индивида, которые считаются значимыми, ценными, должными культивироваться и передаваться от поколения к поколению. Главным субъектом социализации и инкультурации выступает подрастающее поколение до тех пор, пока оно не будет считаться способным самостоятельно воспроизводить и транслировать культуру общества.

Современная культура исходит из признания ценности автономного мира детства со свойственными психологическими особенностями и потребностями, на которое должно ориентироваться воспитывающее и обучающее воздействие. Очевидно, что так было не всегда – модель социального воспроизводства, ориентированная на раскрытие индивидуальных особенностей и предрасположенностей ребенка, возникает в полном смысле только в индустриальных массовых обществах, признающих ценность персональности. В контексте современной культурной глобализации и экспансии ценностей индивидуалистической

культуры, сталкивающихся с ценностями традиционной культуры, особый интерес приобретает изучение досовременных практик социализации и инкультурации, исходящих из другой системы ценностей и существовавших в неглобализированном, культурно-локальном контексте.

Исследование феномена детства и процессов научения в контексте различных культур и исторических эпох является объектом интереса этнопедагогики, исторической педагогики, археологии и антропологии детства. Изучение практик социализации и инкультурации детей получает сегодня кросс-культурное измерение в деятельности различных научных организаций, исследовательских групп и изданий². Статья посвящена изучению практик социализации и инкультурации в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров – генетически родственных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. К этой группе народов относят эвенков, эвенов, негидальцев, ульчей, нанайцев, удэгейцев, орочей, ороков.

Актуальная научная проблематика исследований в данной области касается взаимодействия экологических условий и культурного контекста, структуры процесса социализации, его основных инструментов (языка, игры, труда, ритуала), формирования гендерных ролей и индивидуальной идентичности. Ф. Фулминанте анализирует продолжительность грудного вскармливания, опираясь, помимо историко-этнографических источников, на результаты изотопного анализа археологических данных, и приходит к выводу о сокращении времени вскармливания в связи с развитием городской культуры [11]. К. Эмбер и

¹ Мердок Дж. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры / под ред. С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 49–56.

² ACYIG (Anthropology of Children and Youth Interest Group) – группа, работающая в рамках Американской антропологической ассоциации; научные журналы *Anthropology & Education Quarterly*, *Childhood in the Past* и др.

К. Куннар исследуют соотношение игровых и трудовых форм детской социализации в кросс-культурной перспективе и подчеркивают зависимость степени детского вклада в трудовую деятельность от преобладающего типа хозяйства и пропитания [10]. Российские авторы, исследующие феномен детства, связывают возраст включения ребенка в трудовую деятельность с уровнем материально-технологического развития общества: чем проще орудия труда, тем раньше ребенок включается в процессы общественного производства, поэтому утверждается, что в традиционных обществах детство мало выделено из мира взрослых [6; 7].

М. Ромеро рассматривает заботу о малолетних, игровые формы и трудовое обучение как отдельные пространства (ландшафты) искусственной среды, добавляя к ним пространство ритуала, в которых дети и подростки осваивают гендерные, возрастные, статусные и религиозные идентичности [21]. Такой подход представляется вполне плодотворным в контексте изучения и систематизации данных из сложных культур, но в культурах архаичных и синкретичных, где игра тесно связана с трудом, а труд с ритуалом, который трудно, в свою очередь, отличить от игры, схема «детских» пространств, отдельных от культуры взрослых, никак не реализует себя, кроме как в сознании исследователя [20].

Ритуальная компонента культуры детства, в первую очередь, реализуется в обрядах перехода (rites of passage), репрезентирующих лиминальный (пограничный) статус ребенка и его тесную связь с иным миром, как и людей преклонного возраста [3]. В то же время неко-

торые исследователи указывают на семантическую неопределенность понятия «ритуал перехода», предложенного ван Геннепом [15]. Описания же локальных культурных традиций фиксируют константность ритуального сопровождения на протяжении всего периода взросления. В этом контексте внимание историко-археологических исследований сосредотачивается не только на ритуальной социализации, но и на ритуалах «выведения» из общества на примере изучения детских погребений, часто называемых «девиантными» [16; 18].

Отдельную сферу внимания современных исследований представляет формирование гендерной идентичности детей и подростков [19], трансляция и интериоризация гендерных ролей [17], соотношение культурных, физиологических и экологических детерминант социального пола³ [14]. Однако здесь нередко оказываются оценочные суждения, основанные на системе ценностей и понятий самих ученых [15].

Как представляется, основной ряд проблемных противоречий связан с проекцией ценностей культуры исследователя (в том числе научной культуры) на исследуемую культуру, которая в итоге оказывается разорванной инокультурными аксиологическими шкалами. В сущности, речь идет о соответствии различий и семантических границ, которые ставит исследователь, и тех, что ставят этнофоры между взрослыми и детьми, трудом и игрой, ритуалом и практикой, мужским и женским.

На наш взгляд, понимание традиционных форм ретрансляции общества предполагает их рассмотрение с позиции аксиологиче-

³ Schmitt D. The Evolution of Culturally-Variable Sex Differences: Men and Women Are Not Always Different, but When They Are...It Appears Not to Result from Patriarchy or Sex Role Socialization // The Evolution of

Sexuality. Evolutionary Psychology / Eds. Shackelford T., Hansen R. – Cham: Springer, 2015. – P. 221–256. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-09384-0_11

ского подхода – в контексте системы ценностей, лежащей в основе культуры как целого. Целью статьи является создание парадигматической системы ценностей и смыслов, руководящих формированием нового человека в традиционной культуре, выявление инструментов социализации, конкретизирующихся в повседневных и ритуальных практиках тунгусо-маньчжуров Сибири и Дальнего Востока России XIX–XX вв. (в указанный период уже имелись данные по этим народам, а их культуру определяли в качестве традиционной). В настоящее время исследований такой направленности по тунгусо-маньчжурским народам нет, как и не имеется опыта изучения культуры детства с позиции аксиологии.

Методология исследования

Исследование базируется на аксиологическом подходе, в основе которого лежит идея ценности как интеграла, экзистенциального центра бытия культуры и смыслопорождающей модели всех ее артефактов и человеческой деятельности в целом. Каждое явление культуры имеет свою аксиологическую модель, при этом все модели интегрированы в рамках единой модели. Это явление получило название интегральности [4]. Мир детства рассматривается как отдельная, вместе с тем изоморфная целой культуре, аксиологическая модель.

Ценности отражают социальное и субъективное измерение человеческой деятельности и экзистенции в целом [1; 4]. Они лежат в основе целеполагания человека и реализуются в его практической деятельности и поступках, но само ценностное измерение, как мы полагаем, проявляет себя наиболее полно в знаково-символической форме – именно в ней выражаются культурные смыслы и оценочные шкалы, на которых ориентируется человек в

своём поведении. В эмпирических исследованиях ценностей современных обществ возникает методологическая проблема несоответствия декларируемых респондентами ценностей и действительных установок [2]. При изучении архаических и традиционных культур, не обладающих рефлексией по поводу собственных ценностей, но выражающих ценностное отношение к бытию в мифологических нарративах, ритуальных предписаниях и системах родства, ценности могут быть определены посредством структурно-семиотического метода, который предполагает выявление инвариантной системы знаков и значений, связывающих разные формы деятельности и социализирующих практик.

Результаты исследования

Способ социализации во многом определяется типом хозяйства и социальной структурой. У тунгусо-маньчжуров вплоть до начала XX в. существовало комплексное хозяйство присваивающего типа с доминантами рыболовства, охоты или оленеводства. Их образ жизни соответствовал виду ведущего промысла: рыболовам и охотникам был свойственен полуоседлый образ жизни, оленеводам – кочевой. Все основные перемещения обуславливались потребностями главной промысловой деятельности. Речь идет о типах промысла, требующих длительного освоения навыков и знаний в рамках семейно-родового научения, где в роли наставника мог выступать любой член семьи старшего возраста. Различия в социализации обуславливались главным образом половой принадлежностью воспитанников и, соответственно, половым разделением труда. Система жизнеобеспечения была построена на природных ресурсах и циклах воспроизводства и передвижения основных объектов промысла, поэтому требо-

вала воспроизведения одних и тех же отработанных в прошлом знаний и технологий без существенного их приращения. Традиционный характер технологий промысла обуславливает и устойчивую структуру общества, основанную на родственных связях и семейно-родовой трансляции культуры от поколения к поколению в виде ограниченного числа социальных функций и ролей.

В этих условиях требования к каждому члену общества содержались в эталонных гендерных моделях опытного охотника/рыбака/оленевода или умелой хозяйки дома, способных воспроизводить стандартные ритуализованные образцы социальной коммуникации. Индивидуальность здесь не играла существенной роли или даже становилась помехой. Как утверждают историки и философы культуры, человек в традиционной культуре являлся преимущественно «проекцией» немногочисленных социальных функций, связанных между собой; он буквально «растворялся» в эталонной модели, не выходя за пределы тезауруса культурной традиции.

В этом смысле требует осмысления и корректировки тезис некоторых современных исследователей о субъект-субъектном характере социализации, в ходе которой дети играют роль активных агентов, переосмысливающих культуру и преследующих свои цели [13; 22; 23]. Видимо, субъектность детства, да и взрослых участников коммуникации в интерьере традиционной культуры, следует понимать только в психологическом смысле – как адаптивную активность человеческой психики, обладающей свойством самосознания и реинтерпретации. Но это самосознание еще не

наделяется особым статусом субъекта, дистанцированного от своих социальных функций, каковой возникает только в условиях креативной культуры⁴. Традиционная культура тунгусо-маньчжуров не знает ценности автономной личности, не имеет тезауруса персональности и признает особенность детства только как принадлежность к мифологическому инобытию, взаимодействие с которым носит внеличный, ритуально-символический характер. Статусом подлинного субъекта обладает не индивид, а коллектив, воспроизводящийся во времени, – род; задачей социализации, соответственно, является формирование у ребенка родовой идентичности и навыков родового промысла, сопряженного с постоянным перемещением в пространстве.

Аксиологический центр традиционной культуры тунгусо-маньчжуров образуют три ключевых ценности:

- род как самовоспроизводящаяся единица (ценность – субъект);
- животное как главный объект жизнеобеспечения и религиозного почитания (ценность – объект);
- движение в пределах локуса как способ поддержания жизни родового коллектива (ценность – действие).

Воспроизводство полноценных членов общества или рода являлось важным основанием сохранения социальной единицы. Инструментами социализации и инкультурации выступали ритуальные запреты и предписания, игры, сказки, гендерные установки, повседневные практики поддержания жизни, представленные комплексом одежды, пита-

⁴ Йешке В. Лицо и личность. Заметки по поводу немецкой классической философии // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. – М.: Модест Колеров, 2007. – С. 79–93; Шовье С. Субъективность, личность и идея самости // Субъективность

и идентичность. – М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2012. – С. 118–127.

ния, жилища, гигиеническими нормами и промысловыми технологиями. Их центральным компонентом выступало животное как главный источник жизни коллектива. Животное включалось в процессы экономического и ритуального обмена. У ряда племен отдельные представители фауны почитались ранее в качестве тотемных предков, что свидетельствует о производности этих коллективов от архаичных традиций охотников тайги. Следы тотемизма как веры в животного-первопредка сохранились лишь в отдельных сказочных сюжетах и ритуальных элементах; ритуальное взаимодействие с животными не предполагало уже представлений о родстве, это было взаимодействие с духами-хозяевами, воплощенными в облике животных. Сам медвежий праздник, который структурно, семантически напоминает тотемический культ, на стадии первых этнографических регистраций уже трансформировался в промысловый обряд регенерации природы. Степень сформированности у представителей мужской части населения навыков ведения охоты, предполагающих ориентирование в пространстве, физическую выносливость, знание повадок зверей, умение устанавливать «правильную» ритуальную связь с окружающим миром, проверялось в ходе ритуалов половой зрелости.

Эти повседневные и ритуальные практики были интегрированы в этапы взросления, представляющие развернутую во времени последовательность семантически взаимообусловленных компонентов. «Возраст есть определение меняющихся состояний (содержательных, структурных, функциональных) организма, существование которого выражается в движении от небытия к небытию» – писал

М. С. Каган⁵. Функция человеческой культуры заключается в том, чтобы разделить это непрерывное движение на ряд этапов – стадии онтогенеза – практически и символически определить границы между ними. Наиболее отчетливо в онтогенетическом измерении тунгусо-маньчжуров выделяются пять стадий: младенчество, детство, подростковый период, зрелость и старость, представляемые символически в виде «круга жизни» человека. Первые три являются «восходящими» и характеризуются социализирующим взаимодействием, последняя представляет нисходящую социализацию или «десоциализацию», т. е. постепенное выведение человека из социальной структуры. Смена стадий определялась не количеством лет (годы жизни переставали считать примерно к пятилетнему возрасту), а качественными изменениями в психофизиологии.

Идея пяти стадий человеческой жизни находит свое отражение в нанайском символе «Звездный человек» (*Наи Хосиктани*) – созвездия из пяти звезд, расположенных по контуру человеческой фигуры. Число «пять», видимо, ассоциировалось именно с человеком: для охотников сибирской и дальневосточной тайги пятипалость зверя (например, медведя) была знаком его родства с человеком, возможно, тотемного предка.

В период младенчества – от момента рождения до года – ребенок считался представителем иного мира, но при этом принадлежал роду. Согласно верованиям тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока, души еще не рожденных детей обитают в виде птиц на вершине родового древа. Само древо при этом воспринималась как ось, *путь*, соединяющий подземный мир умерших предков с небесным миром будущих детей⁶. В первый год жизни ребенка

⁵ Каган М. С. *Философия культуры*. – СПб.: Петрополис, 1996. – С. 89.

⁶ Гаер Е. А. *Древние бытовые обряды нанайцев*. – Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1991. – 144 с.; Лопатин И. А. *Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские*.

его «нездешний» или «небесный» статус выражается в ряде связанных между собой признаков: его местопребыванием в жилище была подвешенная к балке колыбель; если младенец умирал до года, то его захоронение было, как правило, воздушным – в дупле или в колоде, подвешенной к дереву. Это означало, что младенец пространственно ближе к небу, и ему не надо проходить все стадии перерождения, как умершим взрослым. Важным признаком младенчества была неспособность самостоятельно передвигаться по земле.

В ритуалах первого года жизни ребенка происходит еще не столько формирование половой идентичности, сколько ее социальная маркировка: девочку и мальчика заворачивали в шкуры разных животных, в первых подарках новорожденных содержался намек на их половую принадлежность и одновременно пожелание успехов в основных видах деятельности согласно половой принадлежности. Эта семантика также присутствует в колыбельных песнях, сближающихся с магическим заклинанием.

Дальнейшая половая демаркация осуществляется на уровне комплекса одежды (незначительная разница в крое) и питания (специальные ритуальные запреты для мальчиков и девочек) уже на следующем этапе – в период детства, который был неоднородным и содержал периоды, различающиеся в зависимости от культуры этноса и типа его хозяйства.

Детство в целом воспринималось как период стабильного роста и количественного накопления жизненных сил, умений и навыков. Оно начинается с годовалого возраста и завершается ко времени начала полового созревания. К году, как считалось, у ребенка

формируется человеческая душа в целостности ее компонентов (у некоторых народов только в год ребенок получал имя); прорезаются зубы и, соответственно, происходят изменения в рационе питания; ребенок учится самостоятельно ходить, меняется одежда, постепенно приобретающая половые признаки.

Известно, что в период с трех до пяти лет у удэгейцев завершалось кормление грудью, событие это четко не регламентировалось, часто совпадая с началом следующей беременности матери [8]. Период детства с трех-четырехлетнего возраста – это время социализации в полном смысле, предполагающей освоение языка, интериоризацию религиозно-мифологических представлений и трудовых технологий, формирование родовой идентичности. Мифологические представления транслировались через сказки, которые могли рассказывать только взрослые, на рассказывание их детьми существовало табу. Трудовые навыки осваивались через игру, носящую подражательный характер и четкую половую дифференциацию. Игры для девочек и игры для мальчиков воспроизводили их будущую жизнь: для первых – роль жены и матери, для вторых – элементы охоты или другого вида промысла. Игры в культуре тунгусо-маньчжуров не были прерогативой детей, старшие члены семьи и рода выступали их активными участниками и инициаторами. Уже в раннем детском возрасте осваивались простейшие формы трудовых действий – строительство чума, помощь в уходе за оленями, охота на мелких животных и птиц и т. д.

Считалось, что в период детства «закладывается» судьба человека, которая связывалась с наличием или отсутствием удачи в про-

мысле и, соответственно, степенью материального благополучия. Формирование судьбы обеспечивалось магией колыбельных песен, ритуальным пищевым регламентированием с включением элементов половой дифференциации. Мальчику, например, не разрешалось употреблять в пищу отросток слепой кишки оленя (чтобы «не блуждать на охоте»), плод важенки (чтобы «не быть слабым»), употреблять яйцо (чтобы не «быть глупым»); ему предписывалось есть хвост юколы (чтобы «быть сильным», так как «сила находится в хвосте»), легкие медведя, смешанные с золой (очевидно, это предписание тоже преследовало цель прироста физической силы) и т. п.⁷ «Формирование» признаков начиналось задолго до рождения нового человека в системе родильной обрядности⁸. Причем семантика родильных пищевых запретов и предписаний отражала такую их особенность, как прямое проецирование положительных или отрицательных качеств зоофауны и ихтиофауны на нового человека, телесность и судьба которого формировалась из пищи, употребляемой его матерью.

Следующий переходный период, отмеченный качественными ментальными и физиологическими трансформациями – время полового созревания (с двенадцати до шестнадцати лет). Лиминальный статус юношей и девушек актуализовался с появлением полового влечения у первых и первой менструации у вторых. Ритуальное сопровождение в этом возрасте сосредоточено, главным образом, на

инициации мальчиков. Следы женского ритуала половой зрелости сохранились только в сказочных нарративах.

Посвящаемый, прежде чем приступить к полноценной взрослой жизни, должен был добыть крупного зверя. Для этого он на длительный период исключался из общества, проходил испытания, сопряженные со смертельной опасностью. Девушка, судя по сюжету сказок, тоже уходила из родительского дома, долго блуждала в тайге в поисках нового пристанища, пищи и мужа. Нередко будущий супруг являлся к ней в облике животного или демона-каннибала. Подробный анализ этих сюжетов представлен в других наших работах [5; 12]. Иных ритуалов половой зрелости у тунгусо-маньчжуров зафиксировано не было. В случае удачной охоты совершалось семейное празднование, ритуально закрепляющее произошедшие с юношей изменения. Так, орочи устраивали ритуальное угощение, в ходе которого неофит получал в дар охотничий инвентарь: ножи, лук, стрелы, остроги, копья, лыжи⁹. С этого момента его социализация считалась завершенной, и он обретал все привилегии мужской части населения. Молодая женщина детородного возраста вместе с половым созреванием приобретала, наоборот, больше ограничений, чем возможностей.

Заключение

Социализация и инкультурация детей в культуре тунгусо-маньчжуров была ориенти-

⁷ Гаер Е. А. Древние бытовые обряды нанайцев. – Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1991. – 144 с.; Гурвич И. С. Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера / под ред. Б. О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 63–91.

⁸ Иохельсон-Бродская Д. Л. К антропологии женщин племен крайнего северо-востока Сибири. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 16 с.; История и

культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – СПб.: Наука, 2010. – 334 с.

⁹ История и культура орочей. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. – СПб.: Наука, 2001. – 172 с.

рована на эталонный образец человека – идеального взрослого с родовой и гендерной идентичностью опытного промысловика или умелой хозяйки. Детство не имело самостоятельной ценности и субъектности: ребенок – это взрослый в будущем и умерший предок в прошлом, будущий кормилец или предмет экзогамного обмена. Родовая идентичность превосходит временные и пространственные границы индивидуальной жизни, соединяя прошлое, настоящее и будущее, земной мир и мир духов. Но актуализируется в настоящем она только в результате социализирующего воздействия – обучения промысловым технологиям, социальным и ритуальным нормам.

Тунгусо-маньчжуры Сибири и Дальнего Востока использовали в целом типичный набор инструментов самовоспроизводства, специфику которых составляло наследие охотничьей культуры. Даже у племен, перешедших к рыболовству и оленеводству, в ритуально-мифологических комплексах сохранилось почитание объектов охоты. Животное является ключевым Другим, воплощающим природные силы, с которыми взаимодействуют члены рода, от чего зависит их благополучие, поэтому социализация включает не только освоение технологий промысла, промысловых ритуалов и обменов, но и использование атрибутов животного в формировании судьбы будущего члена общества. Большая часть пищевых запретов и предписаний, которым обучались дети и которые, как считалось, могли повлиять на их судьбу, касались животной пищи.

Взаимодействие с животным как с объектом промысла предполагает постоянное

движение – будь то кочевка или выслеживание зверя на охоте. Способность к длительным перемещениям или нахождению долгое время в тайге вдали от дома – важнейший навык, который приобретают, главным образом, мужчины и который дает им преимущество по сравнению с женщинами. С уходом из дома в тайгу и возвращением с добычей юноша переходил границу детства и становился мужчиной; о блужданиях девушек с целью поиска мужа свидетельствуют сказочные нарративы. Аксиологический статус движения-перемещения проявляется в ритуальной практике тунгусо-маньчжуров, символика которой воспроизводит модель циклического движения. На это указывают участие круглого родового котла в обрядах «перехода», сам образ родового древа, по которому движутся души людей, шаманские путешествия. Символическим выражением этих явлений выступает спираль и круг как главные изобразительные символы-обереги в орнаменте этих народов.

В традиционном обществе пол и гендер совпадали. Половая дифференциация в практике социализации тунгусо-маньчжуров носит в целом патриархальный характер, что проявляется в своеобразной ритуальной асимметрии. В период детства и полового созревания запреты больше распространялись на мальчиков, социализации которых придавалось большее значение. Этот порядок пересматривается в зрелом возрасте: основная часть негативных культов приходится уже на женскую половину населения, соприкасающуюся с потусторонним миром в период деторождения и потому считающуюся нечистой. Встреча с Другим обуславливает инверсию статусов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баева Л. В.** Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография. – М.: Прометей, 2003. – 238 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20026199>

2. **Вильданов Х. С., Нурдавлетова Н. Б.** Применение эмпирических методов в аксиологических исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 35 (289). – С. 15–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18817814>
3. **Дашиева Л. Д.** Семантика обрядов перехода в песенной традиции западных бурят // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 28. – С. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/9>
4. **Докучаев И. И.** Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры: монография. – СПб.: Наука, 2009. – 594 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20051716>
5. **Ивашенко Я. С.** Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры): монография. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2010. – 290 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19726447>
6. **Мамычева Д. И.** Детство как «переход» в архаическом хронотопе // Аналитика культурологии. – 2008. – № 3 (12). – С. 54–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20141012>
7. **Мамычева Д. И., Мордовцева Т. В.** Феномен детства в хронотопе культур: монография. – Таганрог: Таганрогский гос. пед. ун-т, 2011. – 159 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20109923>
8. **Подмаскин В. В.** Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблема этногенеза и этнической истории: монография. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 539 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19699957>
9. **Basu S., Zuo X., Lou Ch., Acharya R., Lundgren R.** Learning to Be Gendered: Gender Socialization in Early Adolescence Among Urban Poor in Delhi, India, and Shanghai, China // Journal of Adolescent Health. – 2017. – Vol. 61, Issue 4, Supplement. – P. S24–S29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.03.012>
10. **Ember C. R., Cunnar C. M.** Children's Play and Work: The Relevance of Cross-Cultural Ethnographic Research for Archaeologists // Childhood in the Past. – 2015. – Vol. 8, Issue 2. – P. 87–103. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000031>
11. **Fulminante F.** Infant Feeding Practices in Europe and the Mediterranean from Prehistory to the Middle Ages: A Comparison between the Historical Sources and Bioarchaeology // Childhood in the Past. – 2015. – Vol. 8, Issue 1. – P. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000026>
12. **Ivaschenko Y. S., Akhmetova A. V.** The Figure of Cannibal in the Traditional Nanai Culture // European Journal of Science and Theology. – 2016. – Vol. 12, Issue 4. – P. 27–38. URL: http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/59/4_Ivaschenko%20&%20Akhmetova.pdf URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29466730>
13. **Katajala-Peltomaa S., Vuolanto V.** Children and Agency: Religion as Socialisation in Late Antiquity and the Late Medieval West // Childhood in the Past. – 2011. – Vol. 4, Issue 1. – P. 79–99. DOI: <https://doi.org/10.1179/cip.2011.4.1.79>
14. **Kok R., Prinzie P., Bakermans-Kranenburg M. J., Verhulst F. C., White T., Tiemeier H., van IJzendoorn M. H.** Socialization of Prosocial Behavior: Gender Differences in the Mediating Role of Child Brain Volume // Child Neuropsychology. – 2018. – Vol. 24, Issue 6. – P. 723–733. DOI: <https://doi.org/10.1080/09297049.2017.1338340>
15. **Lan Q.** Does ritual exist? Defining and classifying ritual based on belief theory // The Journal of Chinese Sociology. – 2018. – Vol. 5. – P. 5. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40711-018-0073-x>
16. **Matney T.** Infant Burial Practices as Domestic Funerary Ritual at Early Bronze Age Titris Hoyuk // Near Eastern Archaeology. – 2018. – Vol. 81, Issue 3. – P. 174–181. DOI: <https://doi.org/10.5615/neareastarch.81.3.0174>

17. **Meland A. T., Kaltvedt E. H.** Tracking Gender in Kindergarten // *Early Child Development and Care*. – 2019. – Vol. 189, Issue 1. – P. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2017.1302945>
18. **Millett M., Gowland R.** Infant and Child Burial Rites in Roman Britain: A Study from East Yorkshire // *Britannia*. – 2015. – Vol. 46. – P. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0068113X15000100>
19. **Mmari K., Blum R. W., Atnafou R., Chilet E., de Meyer S., El-Gibaly O., Basu S., Bello B., Maina B., Zuo X.** Exploration of Gender Norms and Socialization Among Early Adolescents: The Use of Qualitative Methods for the Global Early Adolescent Study // *Journal of Adolescent Health*. – 2017. – Vol. 61, Issue 4, Supplement. – P. S12–S18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.07.006>
20. **Nowell A.** Children, Metaphorical Thinking and Upper Paleolithic Visual Cultures // *Childhood in the Past*. – 2015. – Vol. 8, Issue 2. – P. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000034>
21. **Romero M. S.** Landscapes of Childhood: Bodies, Places and Material Culture // *Childhood in the Past*. – 2017. – Vol. 10, Issue 1. – P. 16–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/17585716.2017.1305080/>
22. **Tsekenis E.** ‘Children are the Food Sent by God’: Culinary Imagery and the Making of Persons in the Cameroon Grassfields // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2015. – Vol. 21, Issue 2. – P. 330–351. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12209>
23. **Vlahos M. M-L.** Exploring the Experiences of Nineteenth-Century Colonial Children in Australia with the Application of Interpretive Reproduction Theory – An Alternative Approach in the Study of Childhood in the Past // *Childhood in the Past*. – 2015. – Vol. 8, Issue 1. – P. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000027>

Andrey Anatolyevich Ivanov

Doctor of Philosophy, Professor

Department of Philosophy and History,

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5799-7038>

E-mail: larsandr@mail.ru

Yana Sergeevna Ivashchenko

Doctor of Cultural Studies, Professor,

Department of History and Politology,

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation.

Department of Education Management,

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5721-9634>

E-mail: iva_ya@mail.ru

Axiology of human formation in traditional culture

Abstract

Introduction. Investigating the phenomenon of childhood and practices of socialization in the context of different cultures and historical eras is associated with the problem of understanding the values which underlie sociocultural reproduction of new generations. The purpose of the article is to identify the paradigmatic system of values, guiding the human formation in the traditional culture of the Tungus-Manchus of Siberia and the Far East of Russia.

Materials and Methods. The research is based on an axiological approach representing value as an integral of culture and a model generating its artifacts. The use of the structural-semiotic method implies that the value dimension of culture is expressed in a symbolic form as a system of invariant meanings connecting different spheres of activity and socializing practices. The reconstruction of Tungus-Manchu childhood culture is conducted on the basis of ethnographic data and folklore materials.

Results. The specificity of socialization and enculturation of new generations in the conditions of appropriating economy, tribal structure of society and traditional culture is indicated. The axiological center of Tungus-Manchu culture is highlighted and its representation at different stages of growing up and upbringing (infancy, childhood and adolescence) is examined. The system of mythological ideas and magical actions which play a role in the enculturation of new generations has been revealed. The analysis of the formation of gender identity is carried out; the main socialization mechanisms including play, storytelling, work and ritual are revealed.

Conclusions. Childhood in Tungus-Manchu culture was not endowed with independent value and subjectivity, but was perceived as a potential embodiment of clan identity (value-subject). In the process of mastering field technologies and ritual prescriptions, people learned to interact with an animal – a symbol of natural forces (value-object). The value of movement (value-action), due to the type of economy, favored men in the sexual asymmetry of initiation rites.

Keywords

Socialization; Enculturation; Ontogenesis; Axiology; Traditional culture; Semiotics of culture; Siberia; Far East of Russia.

REFERENCES

1. Bayeva L. V. *Value foundations of individual being: The experience of existential axiology*. Monograph. Moscow, Prometey Publ., 2003, 238 p. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=20026199>
2. Vildanov Kh. S., Nurdavletova N. B. The employment of empirical methods in axiological studies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 35, pp. 15–22. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=18817814>
3. Dashieva L. D. The semantics of a rite of passage in the song tradition of the western buryat. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2017, no. 28, pp. 98–105. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/9>
4. Dokuchaev I. I. *Value and Existence. The foundations of the historical axiology of culture*. Monograph. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009, 594 p. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=20051716>
5. Ivashchenko Y. S. *Semiotics of food (on the material of traditional Nanai culture)*. Monograph. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2010, 290 p. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=19726447>
6. Mamycheva D. I. Childhood as a “passage” in the archaic chronotope. *Analytics of Cultural Science*, 2008, no. 3, pp. 54–58. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=20141012>
7. Mamycheva D. I., Mordovtseva T. V. *Childhood in chronotope of cultures*. Monograph. Taganrog, Taganrog State Pedagogical University Publ., 2011, 159 p. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=20109923>
8. Podmaskin V. V. *Folk knowledge of the Tungus-Manchurians and Nivkhs*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2006, 539 p. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=19699957>
9. Basu S., Zuo X., Lou Ch., Acharya R., Lundgren R. Learning to be gendered: Gender socialization in early adolescence among urban poor in Delhi, India, and Shanghai, China. *Journal of Adolescent Health*, 2017, vol. 61, issue 4, supplement, pp. S24–S29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.03.012>
10. Ember C. R., Cunnar C. M. Children's play and work: The relevance of cross-cultural ethnographic research for archaeologists. *Childhood in the Past*, 2015, vol. 8, issue 2, pp. 87–103. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000031>
11. Fulminante F. Infant feeding practices in Europe and the mediterranean from prehistory to the middle ages: A comparison between the historical sources and bioarchaeology. *Childhood in the Past*, 2015, vol. 8, issue 1, pp. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000026>
12. Ivaschenko Y. S., Akhmetova A. V. The figure of cannibal in the traditional Nanai culture. *European Journal of Science and Theology*, 2016, vol. 12, issue 4, pp. 27–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29466730>
13. Katajala-Peltomaa S., Vuolanto V. Children and agency: Religion as socialisation in late antiquity and the late medieval west. *Childhood in the Past*, 2011, vol. 4, issue 1, pp. 79–99. DOI: <https://doi.org/10.1179/cip.2011.4.1.79>
14. Kok R., Prinzie P., Bakermans-Kranenburg M. J., Verhulst F. C., White T., Tiemeier H., van IJzendoorn M. H. Socialization of prosocial behavior: gender differences in the mediating role of child brain volume. *Child Neuropsychology*, 2018, vol. 24, issue 6, pp. 723–733. DOI: <https://doi.org/10.1080/09297049.2017.1338340>
15. Lan Q. Does ritual exist? Defining and classifying ritual based on belief theory. *The Journal of Chinese Sociology*, 2018, vol. 5, pp. 5. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40711-018-0073-x>

16. Matney T. Infant burial practices as domestic funerary ritual at early bronze age titris hoyuk. *Near Eastern Archaeology*, 2018, vol. 81, issue 3, pp. 174–181. DOI: <https://doi.org/10.5615/neareastarch.81.3.0174>
17. Meland A. T., Kaltvedt E. H. Tracking gender in kindergarten. *Early Child Development and Care*, 2019, vol. 189, issue 1, pp. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2017.1302945>
18. Millett M., Gowland R. Infant and child burial rites in roman Britain: a study from East Yorkshire. *Britannia*, 2015, vol. 46, pp. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0068113X15000100>
19. Mmari K., Blum R. W., Atnafou R., Chilet E., de Meyer S., El-Gibaly O., Basu S., Bello B., Maina B., Zuo X. Exploration of gender norms and socialization among early adolescents: The use of qualitative methods for the global early adolescent study. *Journal of Adolescent Health*, 2017, vol. 61, issue 4, supplement, pp. S12–S18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.07.006>
20. Nowell A. Children, metaphorical thinking and upper Paleolithic visual cultures. *Childhood in the Past*, 2015, vol. 8, issue 2, pp. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000034>
21. Romero M. S. Landscapes of childhood: Bodies, places and material culture. *Childhood in the Past*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 16–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/17585716.2017.1305080/>
22. Tsekenis E. ‘Children are the food sent by god’: Culinary imagery and the making of persons in the Cameroon grassfields. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2015, vol. 21, issue 2, pp. 330–351. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12209>
23. Vlahos M. M-L. Exploring the experiences of nineteenth-century colonial children in Australia with the application of interpretive reproduction theory – an alternative approach in the study of childhood in the past. *Childhood in the Past*, 2015, vol. 8, issue 1, pp. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.1179/1758571615Z.00000000027>

Submitted: 26 June 2018

Accepted: 06 November 2018

Published: 31 December 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).